МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

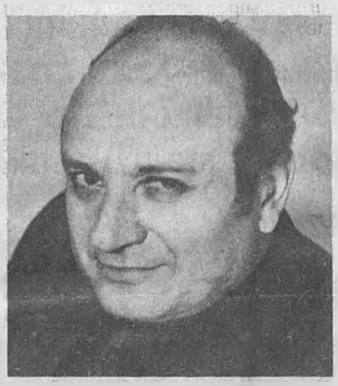
Вырезка из газеты
СТРОИТЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
г. Москва

31 ЯНВ 1988

Гость четвертой полосы

Легко ли быть сатириком?

В репертуаре Московского театра эстрады в прошлом году было много интересных концертов, спектаклей и программ. И все же событием года стал полуторачасовой монолог Михаила Жванецкого «Птичий полет», разыгранный Виктором Ильченко и Романом Карцевым в режиссуре Марка Розовского. Все участники и создатели его выступили в новом качестве. Автор, давно мечтая о пьесе, остался верен эстраде, хотя и написал пьесу по законам театральной драматургии. Исполнители, за которыми закрепились традиционные амплуа Рыжего и Белого, вдруг сыграли боль, прозрение, притчу о времени застойности и о том, как она отражается в душах тех, кто на сцене, и тех, кто в зале. Да и Розовский, известный своими театральными постановками, так глубоко и вдумчиво вчитался в тексты Жванецкого, что увидел в них даже то, о чем и сам автор, вероятно, не подозревал.



В финале спектакля на сцене оказывался автор пьесы, чтобы прочитать несколько самых новых своих монологов. Жванецкий готовится к выступлению заранее. За полчаса до своего выхода он уже за кулисами вышагивает со своим неизменным маленьким портфелем, который носит везде уже долгие годы.

— Михаил Михайлович, как вам работается?

— Мне не раз доводилось слышать, что сатирикам в наши дни стало проще жить, что у них, мол, появились конкуренты — газеты и журналы, где публикуются острые материалы. Какая-то доля истины в этом утверждении есть. И все же мне слышится в нем такая мысль: хватит, мол, вам злословить. Все уже сказано и без вас, сатириков.

На наши концерты приходят люди, которые работают на производстве, выращивают хлеб, строят дома. Те, кто, безусловно, принимает участие в перестройке, но пока не находит решения. Задача сатирика заострить внимание на самых острых проблемах, подсказать выход из создавшегося тупика. Мы должны понять, откуда растут ноги. Мы должны понять, почему нет товаров, не хватает продуктов. Нам надо говорить об этом с людьми. И надо их расшевелить. Тогда они придумают что-нибудь и в промышленности, и в сельском хозяйстве.

Все мы хотим изменений в экономике. А их могут добиться свободные люди. Значит, людей надо раскрепостить. И мы это будем делать с эстрады. Будем отвечать на самые острые вопросы, говорить честно.

— В одном из своих монологов вы написали о том, что на улице, в толпе, все кажется хорошо, а дома каждый остается с собственными неприятностями.

— Вы заметили, многие из нас всегда говорят о чем-то важном на кухне. То есть все эти годы скрывались. Выходили на улицы с праздничными лицами, видели транспаранты. И пытались подклеить свою улыбку к этим транспарантам. А потом возвращались домой — и все время сидели на кухне. Всю жизнь просидели на кухне. Вот это все — свобода наша, вся любовь, все откровения — всегда на кухне. Чайник вскипает. Чья-то жена подает. И мы сидим на кухне. Раньше с бутылкой. Теперь — без бутылки. И сейчас, когда совсем другая жизнь, а по-прежнему сидим на кухне и все обсуждаем.

— Герой другого монолога, возможно, автобиографического, замечает, что для сатирика важнее всего предупредить, ударить в колокола, а остальное — уже дело других. Не мало ли этого, просто предупредить?

— Конечно же, это немало. Предупредить — главная задача. Что он еще может сделать, сатирик? Он, может, даже в драке не участвует, но предупреждает о том, что сейчас будет драка. И это тоже поступок. Отчаянный и честный.

Скорее интуитивно чувствую, что в этой фразе что-то есть. Потому что считаю, что любой писатель и поэт, к сожалению, пророк. Свою судьбу, свою биографию он, к большому сожалению, может предугадать. Поэтому я всегда избегаю в произведениях печальных концов, не называю точные даты, потому что мне кажется, что могу угадать все.

— У вас замечательные партнеры. Я имею в виду Ильченко и Карцева. Как складываются ваши взаимоотношения?

— Виктор Ильченко и Роман Карцев — мои друзья с детства. Без них я просто был бы одинок, как без детей. Как без семьи, без матери. Мы выросли вместе, и, по сути, всегда были вместе. Мы знаем жизнь друг друга наизусть. И потому у нас даже ссор не бывает. Если порой возникают обиды, то мы так хорошо знаем друг друга, что справляемся с ними.

— Михаил Михайлович, расскажите, пожалуйста, о том, как вы пишете. Всегда интересно, из чего и как возникает смех?

— То, что я пишу, возникает всегда вдруг. И целиком. Никогда не возникает по отдельным фрагментам, фразам. Именно вдруг и целиком. Это самое лучшее, что может быть — писать взахлеб. У меня 146 записных книжек, куда я заношу свои мысли и наблюдения. Они забиты тонкими маленькими буквочками. В рамочках. Это все мысли. Мысли и остроты. Потом я перевожу их в более толстую книжку и затем — на лист бумаги. С листа и читаю уже на публике.

— К эстрадной драматургии и вообще эстраде относятся как к чему-то второсортному, не считая ее настоящей литературой. Может быть, в этом и есть резон. Но все же себя вы считаете писателем или чисто эстрадным автором?

— У меня все время такое ощущение, что я литературой не занимаюсь. У меня ощущение, что я занимаюсь какими-то другими вещами. Я не создаю произведений, чтобы их читали. Просто все время отвечаю на какие-то удары, на какие-то уколы, на какие-то щипки. И отвечаю на собственное недовольство. Отвечаю письменно и устно на собственную жажду справедливости. Не пишу произведений, которые должны остаться в веках. Мне дороже — жажда справедливости, чувство для меня равное призванию. Кожей, всем телом, душой ощущаю абсолютную чувствительность к несправедливости. Видно, природа так мне подыграла когда-то.

— Вы не можете жаловаться на своего зрителя. И все же, как вы относитесь к тем, кто приходит на ваши концерты?

— Скажу честно, к зрителям у меня просто робкое отношение. Я глубоко люблю и уважаю человека, пришедшего на мое выступление. Не знаю, изменился ли зритель за последнее время. Наверное, нет. Как и мы все, впрочем. Зрители — тысяча человек, таких, как я. А на сцене стоит один человек, такой, как я. Мы все одинаковы. И живем, к большому сожалению, одинаково. И едим одинаково. И одеваемся одинаково. Все видим, чувствуем одинаково и мыслим, пожалуй, тоже. И здесь нет особых откровений с моей стороны, потому что я в общем-то живу, как все.

И. АБЕЛЬ.